

Здесь я Природы противостоит человеческому я, но не так, как внеличное противостоит личному, а как абсолютное, внелично-личное противостоит личному.

Какая угодно широкая, даже всеобщая внеличная данность — и народ, и человечество, и природа — в мифопоэтическом сознании могут представлять в качестве живой, мыслящей, чувствующей, стремящейся личности. И в этом смысле можно говорить о лирике Народа, Человечества, Природы, вообще — о лирике Мира. Подобно тому, как мы (вслед за Гегелем) говорим об особом эпическом состоянии мира, здесь мы можем говорить о лирическом состоянии мира.

И наоборот, живая человеческая индивидуальность, отдельная личность, вполне вообразима не только вместилищем различных мыслей, чувств, стремлений, но и целым собранием самостоятельных личностей, целым народом, государством, миром. И здесь уже мы, очевидно, должны говорить об особом эпическом состоянии личности. Из множества хлебниковских текстов, художественно реализующих этот принцип, нужно вспомнить стихотворение «Я и Россия», где он воплощен со всей иронической наглядностью:

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса.
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачевые ткани.
Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконых кудрей толпились у окон,
Ольги и Игоря
Не по заказу,
Радуюсь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку:
Дал солнце народам Меня!
Голый стоял около моря.
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

(СП. III.304)

Ирония, конечно, необходима. Она позволяет не в лоб, а как бы обходным путем освоиться с величественной и оглушающей истиной, неизменно превосходящей выражающий ее образ. Ирония — это конечное перед лицом бесконечного. Суть не в том, что простейшее бытовое действие приравнено историческому событию, а человек — государству. За этим угадывается то состояние личности, когда человеческое я в своей субстанциональной глубине смыкается с бесконечностью мира, микрокосм внутреннего — с макрокосмом внешнего.

«Юноша Я — Мир» — вот кратчайшая хлебниковская формула этой эстетики. В ее свете совершенно ясно, что лирическое и эпическое в своих высших состояниях слиты до полного неразличения, это две стороны единого целого.

Таков, например, автопортрет в лирической поэме «Поэт»:

Стоял у стены вечный узник созвучия
В раздоре с весельем и жертвенник дум.
Смотрите, какую горой темноты,
Холмами, рекою, речным водопадом
Плащ, на землю складками падая,